

Г. Раковский

Конец Белых

От Днепра до Босфора

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г. Раковский**
Конец Белых: От Днепра до Босфора / Г. Раковский – М.: Книга по Требованию,
2015. – 276 с.

ISBN 978-5-458-46598-4

Конец Белых. От Днепра до Босфора Раковский Григорий Николаевич - журналист, военный корреспондент, переживший Гражданскую войну на Юге России вместе с Белой армией. Свидетельство очевидца и непосредственного участника описываемых событий. Удалось обнаружить рецензию на данную книгу, опубликованную вскоре после ее выхода.

ISBN 978-5-458-46598-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

их использования в настоящем и будущем, является необходимым условием благоприятного разрешения задачи государственного строительства великой демократической России...

Григорій Раковскій.

Константинополь
1-го Марта 1921 года.

ГЛАВА I. ПОСЛѢ НОВОРОССІЙСКА.

В мартѣ мѣсяцѣ 1920 года остатки вооруженных сил Юга Россіи в кошмарных условіях трагической эвакуаціи покинули Новороссійск и, погрузившись на корабли, переѣхали въ Крым — послѣдній оплот антибольшевистских сил Юга Россіи. Кубанская армія и часть Донской арміи, отрѣзанныя послѣ оставленія Екатеринодара от главных сил, горными тропинками в ужасных условіях совершали свой, так называемый, „грязный поход,“ двигаясь по направленію к берегам Чернаго моря в район Сочи и Туапсе.

Эвакуировавшіяся из Новороссійска войска и бѣженцы высадились в Крыму, главным образом, в Феодосіи и Севастополѣ.

Положеніе вооруженных сил Юга Россіи было поистинѣ безвыходным. Армія, послѣ тяжелаго отхода от Орла до Новороссійска, послѣ ужасной эвакуаціи, находилась в состояніи полнѣйшаго матеріальнаго и моральнаго разложенія. Не было снаряженія, не было продовольствія. Остатки грандіозных складов с предметами снабженія были захвачены большевиками в Новороссійскѣ. Не успѣвшія погрузиться воинскія части, десятки тысяч брошенных на произвол судьбы лошадей, огромнѣйшіе обозы,—все это было богатой добычей для противника.

Тяжесть и безвыходность создавашагося положенія заключалась, впрочем, не в этом. Армія была разгромлена морально. В оставленном Новороссійскѣ оставлена была та идея, которая воодушевляла вооруженныя силы Юга Россіи в их борьбѣ с большевиками. У добровольцев и казаков исчезла вѣра в правоту своего дѣла. В войсках нарождались новыя настроенія, пока смутныя и неопредѣленные, но в основѣ своей носившія характер моральной капитуляціи перед большевизмом. Армія пришла в Крым с опустошенной душой. Апатія, мрачный, безнадежно-пессимистическій взгляд на дѣло дальнѣйшей борьбы с большевиками, одинаково наблюдались как среди представителей команднаго состава, так

и среди рядовой массы. Старые пути оказались негодными, а новых путей пока не намечалось. Идеологи антибольшевистского движения, в частности наиболее влиятельные при Деникиных представители партии к. д.—все они в течение последних месяцев эвакуировались за границу. Эвакуация фактически была превращена в эмиграцию и материальный разгром тем самым заблаговременно усугублялся разгромом моральным.

Уезжая из Новороссійска, немногие из эвакуировавшихся знали о том, что они едут в Крым. Казалось, что послѣ общаго пораженія главных сил, судьба Крыма предрѣшена стихійным ходом событій. Казалось, что ехать в Крым нѣтъ никакого смысла и что вслѣд за высадкой снова придется погружаться на корабли и куда то эвакуироваться.

Общее настроеніе как низов, так и верхов можно было-бы охарактеризовать словами:

— Борьба с большевиками в тѣх формах, в каких она происходила до сего времени,—теперь немыслима. Нужно или капитулировать, или идти какими то новыми, пока неизвѣстными путями . . .

Видные представители генералитета уже открыто высказывались в том смыслѣ, что наиболее стойкія части арміи нужно эвакуировать за границу, примѣрно, в славянскія страны, гдѣ онѣ могли-бы передохнуть, и затѣм дѣйствовать в зависимости отъ создавшейся обстановки.

Выгружаясь в крымских портах, войска были настроены панически. Из уст в уста передавали содержаніе совѣтскаго радіо, в котором говорилось, что „остатки денкинских бандъ переправились в Крым, гдѣ будут уничтожены в течение десяти дней.“ Самой злободневной темой среди офицеров и генералов был вопрос об эвакуации за границу. Скупали валюту, запасались визами, устраивались матросами на пароходах, а многіе в складчину пытались даже нанять шхуны и фелюги, считая, что эвакуация в Крыму пройдетъ еще в болѣе тяжелой обстановкѣ, чѣм эвакуация в Новороссійскѣ. Говорили также о необходимости переговоров с большевиками, об условіях, как будто бы, неизбежной капитуляціи.

Казалось совершенно невозможным привести в порядок то, что недавно еще именовалось вооруженными силами юга Россіи, все эти дезорганизованныя банды, озлобленные, разочарованныя, пережившія странную душевную трагедію в Новороссійскѣ.

Лучше других частей арміи сохранился Добровольческій корпус. Руководимый Кутеповым, этот корпус, — все, что осталось на югѣ Россіи от Добровольческой арміи, — захватил

в Новороссійскѣ корабли и, оставив на произвол судьбы Донскую армію, прибыл в Крым почти в полном составѣ со всѣми тылами в количествѣ 30.000 человекъ и расположился в районѣ Симферополя и Севастополя. Остатки Донской арміи в количествѣ 15.000 человекъ, выгрузившись в Феодосіи, в виду их небеспособности, в виду того, что казаки были безоружны и без лошадей, перевозились в Евпаторію на отдых и переформированіе.

Необходимо, однако, отмѣтить, что прибывшіе в Крым добровольческія части измѣнились до неузнаваемости и лишь по названію напоминали прежних добровольцев. „Цвѣтная войска“, как их теперь называли, — корниловцы, марковцы, дроздовцы, — сохраняя внѣшнюю дисциплину, вѣрнѣе ея видимость, в дѣйствительности являлись разнузданными кондотьерами, развращенными грабежами и насиліями до послѣдних предѣлов. Это не были энтузіасты времен Корнилова, Маркова, Алексѣева, Каледина, беззавѣтно шедшіе за своими вождями. Это были скорѣе преторіанцы, склонные в любой момент под тѣм или иным предлогом выступить против своих высших руководителей. Пьянство, разгул, грабежи, насилія и, что особенно угнетало населеніе, безсудные расстрѣлы, и своеобразныя мобилизаціи, выражавшіяся в том, что добровольцы хватали на улицах всѣх мужчин, и тащили к себѣ в полки, — вот атрибуты, с которыми прибыл в Крым Добровольческій корпус. Севастопольскій и Симферопольскій районы, наводненные „цвѣтными войсками“, пережили тяжелые дни. Особенно плохо пришлось Симферополю, гдѣ размѣстился штаб Кутепова. Улицы города сразу же покрылись трупами повѣшенных. Не удивительно, что даже „совершенно секретная“ сводка штаба главнокомандующаго констатировала:

— В городѣ Симферополь—общее подавленное настроеніе всѣх слоев населенія, вызванное рядом смертных приговоров, вынесенных военно-полевым судом. Подавленность усиливается с каждым днем, так как аресты, производимые чинами контр-развѣдки, не прекращаются. В населеніи распространяются слухи о крайне предосудительном характерѣ и способѣ веденія слѣдствія в контр-развѣдках и военно-полевым судѣ...

При таких условіях жизни в Крыму не удивительно, что даже запуганные и приниженные органы мѣстнаго самоуправленія выступали с протестами против эксцессов бѣлаго террора, доходивших до того, что смертной казни подвергались пятнадцатилѣтніе мальчики, почти дѣти. Как относились представители высшей власти к таким протестам в первые мѣсяцы крымскаго періода, — об этом лучше всего свидѣтельствуется письмо помощника главнокомандующаго генерала Шатилова на

имя председателя симферопольской городской думы. В этом письмѣ он, между прочим, писал :

— Упраздненіе военно-полевых судов противорѣчило бы вѣрно понятіямъ интересамъ арміи, правопорядка и законности. Командованіе считаетъ, что нареканія на дѣятельность контр-развѣдок коренятся в самой атмосферѣ гражданской войны и политическаго розыска . . .

В концѣ письма говорилось : „о беспочвенной критикѣ и партійныхъ интересахъ“.

Добровольческія части находились в состояніи развала. На печальныя размышленія наводило и состояніе казачьих частей. Там тоже наблюдался развал. Главную массу казаков составляли донцы. В Евпаторію они пришли в ужасномъ настроеніи. Они оставили позади свои семьи, свои родныя станицы. Они потеряли своих лошадей и оружіе. Они пришли почти в одномъ томъ, в чем их засталъ печальныйъ день двѣнадцатаго-тринадцатаго марта 1920 года.

Армія Донская, по словамъ командовавшаго арміей генерала Сидорина, находилась в ужаснѣйшемъ моральномъ состояніи, состояніи страшной физической усталости, в состояніи полной необезпеченности ни оружіемъ, ни лошадьми, ни вообще всѣмъ необходимымъ.

В противоположность собравшимся со всей Россіи добровольцамъ, казаки были органически связаны со своей территоріей—Дономъ и потому перед ними особенно остро стоялъ вопросъ: что же будетъ дальше? Придется ли возвращаться на Дон, с оружіемъ в рукахъ? Придется ли сдаваться на милость побѣдителей—большевиковъ, или же, быть можетъ, Крымъ будетъ эвакуированъ, и придется уходить в иноземныя страны? . .

Особенно отягощало положеніе казаковъ то, что они потеряли вѣру в свое дѣло, идею борьбы. Идея эта олицетворялась Донскимъ Войсковымъ Кругомъ, который теперь совершенно утратилъ свое политическое лицо и превратился в толпу людей, думавшихъ только о собственномъ спасеніи и о матеріальныхъ благахъ, но никакъ не о борьбѣ с большевиками. Уже в Новороссійскѣ можно было наблюдать, какъ всѣ помыслы народныхъ избранниковъ были направлены исключительно на то, чтобы уѣхать, какъ можно скорѣе. Политическіе вопросы, положеніе фронта, все это ихъ не занимало. В настроеніи членовъ Круга преобладали двѣ руководящія мысли: какъ бы не расплытаться и быть всѣмъ вмѣстѣ, а затѣмъ, какъ бы устроиться такъ, чтобы находиться поближе къ правительству, атаману, а, главное, къ матеріальнымъ средствамъ войска, къ деньгамъ и товарамъ. В слабой степени можно было усмотрѣть здѣсь желаніе сохранить идею Донскаго Войскаго Круга до послѣдней возможности.

Над всѣм, однако, преобладал инстинкт самосохраненія. Личные, шкурные интересы заглушали всѣ идейныя побужденія... Этим объясняется непрерывная возня вокруг донского серебра, вокруг войсковых товаров, причем члены Круга не скрывали своего недовѣрія к аппаратам власти исполнительной.

Депутаты неудержимо стремились за границу. В період своего недѣльнаго пребыванія в Феодосіи, они были озабочены исключительно этой мыслью и усиленно хлопотали перед главным командованіем и атаманом о валютѣ, визах и суднѣ для перевозки их в Константинополь. Таким судном они намѣтили себѣ пароход „Дунай“, на котором были погружены войсковыя цѣнности. Атаман и главное командованіе не пытались задержать Круг в Крыму, так как, будучи громоздким учрежденіем, расхлябанным, пестрым по настроеніям,—донской парламент потерял совершенно свое политическое лицо, вѣру в себя и в ту идею, которую он до сих пор олицетворял.

Круг поэтому всячески старались поскорѣ сплавить за границу, избавиться от него, как от обузы, а потому всѣ просьбы членов круга были удовлетворены и им разрѣшили на пароходѣ „Дунай“ выѣхать в Константинополь, который должен был явиться матеріальной базой Войска Донского.

Числа 20 марта „Дунай“ отошел из Феодосіи. По дорогѣ, во время остановки в Ялтѣ, разыгрался весьма показательный инцидент, характеризовавшій отношеніе к Кругу со стороны донских воинских частей. На ялтинском рейдѣ члены Круга встрѣтились с пароходом, который везъ из Феодосіи в Евпаторію донскія части генерала Гусельщикова. Когда казаки и офицеры узнали о том, что члены Круга „с товарами“ ѣдут за границу, они прислали на „Дунай“ делегатов. Представители казаков заявили своим избранникам, что они видят в этом позорное проявленіе трусости, измѣну общему дѣлу и предательство.

— Не за границу, а в Евпаторію вы должны будете поѣхать,—заявили делегаты. Вы обязаны раздѣлить нашу участь... Без вас нас оставят там на произвол судьбы, и мы погибнем. С вами легче будет выѣхать...

Разыгрался тяжелый инцидент, который обнаружил всю оторванность Круга от казаков, полное отсутствіе связи с низами, в частности с воинскими частями, которыя, в виду многочисленных переформированій, уже не имѣли в Кругу своих представителей. Значительная часть депутатов состояла из людей, выбранных в хаотической обстановкѣ первых времен освобожденія Дона теперь уже не существовавшими частями.

Президіуму Круга стоило больших усилій уговорить казаков отказаться от своих притязаній увезти Круг в Евпаторію. Депутаты увѣрили, что Круг уѣзжает не только с вѣдома, но и по приказу донского атамана, который яко - бы задается цѣлью сохранить его для будущаго... К счастью, во время переговоровъ раздались сигналы объ уходѣ парохода съ казаками и послышались крики:

— Команда, садись, отъѣзжать...

Парламентаріи здѣсь схитрили. Они воспользовались моментом и пустили слух, что „хорошо, мол, „Дунай“ пойдет за вами в Евпаторію“... Конечно, как только казаки уѣхали, Круг продолжал свой путь на Константинополь.

В момент оставленія Новороссійска Крым оборонялся малочисленным корпусом генерала Слащева. На фронтѣ было затишье, так как главныя силы большевиков находились на Кавказѣ и стягивались на польскій фронт, а тѣ малочисленныя части, которыя дѣйствовали против Перекопа, вынуждены были, послѣ неудачных для них февральских боев на юшуньских позиціях, отойти к сѣверу, так как в тылу у них начали дѣйствовать повстанческіе отряды, и вообще вся Украина находилась в состояніи антисовѣтскаго броженія.

Защита Крыма создала генералу Слащеву исключительную популярность, как в войсках, так и среди той части интеллигенціи и буржуазіи, которая опредѣленно связала свою судьбу с судьбой Добровольческой арміи. Пользуясь этой популярностью, эксцентричный, неуравновѣшенный, самовлюбленный генерал добился диктаторской власти в Крыму и совершенно затушеввал командующаго войсками главноначальствующаго Новороссійской области генерала Шиллинга, прибывшаго в Севастополь послѣ январской эвакуаціи Одессы.

В Крыму установилась „слащевскій“ режим, основанный исключительно на своеобразно - понятом лозунгѣ: „Все для фронта“. К тылу огульно примѣнялся Слащевым термин „сволочь“. Можно, конечно представить какой тяжелой атмосферой безправія и самодурства был окутан в это время Крым. Слащев упивался своей властью, упивался тѣм „осважным“ фиміамом, который курили ему за военный успѣх и, в буквальном смыслѣ слова, измывался над несчастным и забытым населеніем полуострова. Никаких гарантій личной неприкосновенности не было. Слащевская юрисдикція, процвѣтавшая на ст. Джанкой, гдѣ находился штаб крымскаго диктатора, сводилась к разстрѣлам. Горе было тѣм, на кого слащевская контр-развѣдка обращала вниманіе...

При таком режимѣ говорить о какой бы то ни было общественной и политической жизни в Крыму, конечно, не при-

ходилось. Оживленіе наблюдалось лишь в правых кругах, среди монархистов и черносотенцев. В этих кругах уже сорганизовалась вокруг находившагося не у дѣла Врангеля, и, конечно, Слащева серьезная оппозиція главному командованію. Нашедшіе себѣ прибѣжище в Крыму старые бюрократы, аристократы, черносотенное духовенство, реакціонеры из среды мѣстнаго татарскаго населенія,—всѣ они интриговали, сплетничали, наушничали и создавали ту заговорщицкую атмосферу, которой в это время дышал Крым, и которою, особенно послѣ Новороссійска, не мог дышать Деникин. Почва для его ухода была приготовлена заблаговременно.

Еще до паденія Новороссійска Врангель энергично добивался того, чтобы командованіе крымскими войсками было передано ему, а не Шиллингу. В этом смыслѣ представители группы, поддерживавших Врангеля, возбудили ходатайства перед Деникиным. В дѣйствительности же вопрос о Врангелѣ ставился шире.

— В мой штаб,—разсказывал мнѣ Слащевъ,— неоднократно пріѣзжали представители всяких народностей, гражданских организацій, а также и духовенства. Они спрашивали, не буду ли я препятствовать тому, чтобы генерал Врангель занял пост главнокомандующаго. Они убѣждали меня стать опредѣленно на сторону Врангеля и поддержать его. Я находился тогда между двух огней—мажду Шиллингом и Врангелем. . .

Дѣйствительно, отношенія между этими генералами, сильно обострились, особенно послѣ того, как Шиллинг подробно сообщил Деникину о домогательствах Врангеля.

— Можно было ожидать приказа об арестѣ Врангелем Шиллинга и Шиллингом Врангеля,—разсказывал Слащев.

Не удивительно, что атмосфера, которой дышал Крым, оказалась смертельной для недавно сформированнаго из представителей казачества и главнаго командованія южно - русскаго правительства. Власть этого правительства в Крыму оказалась фикціей. Попытки обуздать Слащева и прекратить вопіющіе разстрѣлы, закончились тѣм, что через нѣсколько дней послѣ прибытія правительства, Слащев начал публично в своих приказах третировать министров. Во избѣжаніе всяких эксцесов, Деникин, спустя недѣлю послѣ сдачи Новороссійска, вынужден был расформировать коалиціонное правительство и поручить министру финансов Бернацкому составить упрощенный орган гражданскаго управленія, нѣчто в родѣ канцеляріи по гражданским дѣлам при главнокомандующем.

Врангель в это время уже находился в Константинополь, так как Деникин, по прибытіи в Крым, через начальника англійской военной миссіи генерала Хольмена приказал ему выѣхать

за границу. Перед своим отъездом Врангель написал Деникину очень рѣзкое письмо, гдѣ обвинял его в личном пристрастїи, в политических и военных ошибках, которыя он, Врангель, предвидѣл и своевременно от них предостерегал. Письмо это быстро распространилось по Крыму, в большом количествѣ экземпляров попало за границу, в эмигрантскіе и дипломатическіе круги и, если не сдѣлало Врангеля болѣе популярным, то во всяком случаѣ, сыграло извѣстную роль в дискредитированїи и так подорваннаго престижа генерала Деникина.

Отъезд Врангеля не разрядил сгущенную крымскую атмосферу и лишь побудил представителей оппозиціи проявить большую активность в поддержкѣ своего лидера. Тот-же Слащев через графа Гендрикова сообщил отъѣзжавшему в Константинополь Врангелю:

— Ъхать дальше вам нельзя. Возвращайтесь, но по политическим соображенїям соедините наши имена, а Шатилову дайте названїе, ну, хоть, своего помощника.

Вмѣстѣ с этим. Слащев вел усиленную агитацію среди высших военных начальников.

— Еще 16-го марта в Феодосїи, — рассказывал мнѣ командующій Донской арміей, генерал Сидорин, — генерал Покровскій и Юзефович пригласили меня на квартиру Покровскаго. Там я застал и бывшаго командующаго Крымским Особым Корпусом генерала Боровскаго. Послѣдній сообщил нам, что он прїѣхал из Симферополя по порученїю Слащева, считавшаго не мыслимым дальше оставаться под командой Деникина, котораго нужно замѣнить новым главнокомандующим. Слащев просил Боровскаго переговорить по этому вопросу со старшими начальниками и предложить им при первом-же удобном случаѣ обратиться у него, Слащева, на спеціальное совѣщанїе.

Предложенїе Боровскаго не встрѣтило возраженїй, в частности и со стороны Сидорина, считавшаго не возможной совмѣстную службу с Деникиным, послѣ бурных с ним столкновенїй по поводу оставленїя без перевозочных средств донцов в Новороссїйскѣ.

Однако, день созыва секретнаго совѣщанїя у Слащева, совпал с днем созыва в Севастополѣ Военнаго Совѣта, который, по приказу Деникина, должен был выбрать ему преемника на пост главнокомандующаго.

А в это время адмирал де-Робек, верховный политическій комиссар Англїи в Константинополѣ, получил для передачи Деникину слѣдующее ультимативное предложенїе Великобританскаго правительства:

— Верховный Совѣт находит, что продолженїе гражданской войны в Россїи в настоящее время есть явленїе чрезвычайно

вредное для общаго европейскаго положенія. Правительство Великобританіи, с своей стороны, считает нужным обратить вниманіе генерала Деникина на то значеніе, которое имѣли-бы в настоящую минуту попытки установленія сношеній с совѣтским правительством, дабы достигнуть гарантіи безопасности для населенія Крыма и Добровольческой арміи. В полном убѣжденіи, что в настоящую минуту самое лучшее—оставить неравную борьбу, Великобританское правительство предлагает взять на себя веденіе переговоров с совѣтским правительством с согласія на это генерала Деникина и предлагает послѣднему и его ближайшим сподвижникам убѣжище в Великобританіи. Британское правительство, оказавшее ему в широкой мѣрѣ свою помощь, благодаря которой только и было возможна до сего времени эта борьба, считает себя в правѣ ожидать, что его предложеніе будет принято. Если же генерал Деникин признал-бы необходимым отклонить предложеніе и продолжать свое безнадѣжное дѣло,—Великобританское правительство признало-бы необходимым снять с себя отвѣтственность за могущія в дальнѣйшем послѣдовать событія и прекратить какую-бы то ни было дальнѣйшую помощь.

20 Марта 1920 года де-Робек вручил этот ультиматум находившемуся в Константинополѣ генералу Врангелю. Одновременно с этим он передал ему телеграмму начальника англійской военной миссіи при ставкѣ Деникина генерала Хильмена с приглашеніем от имени главнокомандующаго прибыть в Севастополь на засѣданіе Военнаго Совѣта для выборов замѣстителя генералу Деникину.

Самым фактом приглашенія в Крым высланнаго оттуда по его же приказу лидера оппозиціи Деникин как бы предрѣшал вопрос о своем замѣстителѣ.

Так Врангель и оцѣнил это приглашеніе.

—Ознакомившись с ультиматумом,—разсказывал он мнѣ,—я счел для себя обязательным откликнуться на призыв прибыть к находящейся почти в безвыходном положеніи арміи. Я прибыл в Севастополь 22 Марта и застал там Военный Совѣт, засѣдавшій под предсѣдательством генерала Драгомирова. Отклонив от себя выбор главнокомандующаго, члены Военнаго Совѣта ограничились лишь указаніем на желательнаго кандидата, предоставив его назначеніе самому Деникину.

—Прежде чѣм изъвить согласіе на принятіе должности главнокомандующаго, я счел нужным ознакомить членов Военнаго Совѣта с содержаніем ноты англійскаго правительства, указав с своей стороны, что прекращеніе помощи Англій ставит нас в невозможность рассчитывать на успѣшный исход борьбы.